Чурикова И. 1986, II.

Московский Комсомолец
г. Москва
12 ФЕВ 1986

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

ПИСАТЬ о Чуриковой легко и трудно. Легко — потому что ее роли в театре и кино у всех на виду и на памяти, это великолепно сыгранные роли, и можно говорить о соприкосновении ее сценических и экранных созданий с жизнью и об удивительном таланте и мастерстве актрисы. Но и трудно писать: как тщательно их ни описывай, так тонко и глубоко ни воспринимай, всегда остается какой-то остаток, не поддающийся описанию, не укладывающийся в восприятии, и ты чувствуешь: в этом «что-то» и есть самое главное.

Тайну эту Алла Гербер, чья книга о Чуриковой «Судьба и тема» недавно вышла в издательстве «Искусство», обозначает точно: «Слова... — чужие, душа — своя». Вот эта-то душа, голос которой слышен нам в каждом слове Чуриковой, произнесенном ею со сцены и экрана, и между слов, помимо, поверх слов, и есть тайна. И автору книги об актрисе нужно было мужество, чтобы написать в конце: «Но никогда нельзя открыть эту тайну до конца», — поскольку другие авторы редко признаются в таком, считая, что с помощью искусствоведческой терминологии можно открыть и объяснить любую тайну.

А в этой книге почти нет искусствоведческих терминов и вообще немного такого, что мы считаем привычным и даже обязательным в книге об актере. Я бы сказал, что «Судьба и тема» — попытка Аллы Гербер приблизиться к тайне Чуриковой и приблизить к ней читателя. Я представляю себе рецензента, который сурово упрекает Аллу Гербер за отсутствие (или недостаточное присутствие) в книге искусствоведения, но мне кажется, что такой рецензент должен быть сухим человеком, для которого искусство лежит где-то очень далеко от жизни. А роли Чуриковой — это и есть жизнь, и говорить о них надо, по-моему, именно так: не отделяя их ни от жизни, ни от актрисы и одновременно сознавая, что есть вещи, передать которые словом невозможно, «нельзя открыть до конца».

И позиция автора — это исповедь, нескрываемое восхищение Чуриковой (как же не восхищаться этой актрисой!). Но ведь порой теми же словами пишут и об актерах, дающих несравненно меньше оснований для восхищения... Вообще я бы ввел в театральную и кинокритику жанр, в котором написана книга, — объяснение в любви. (Этот жанр, кстати, почувствовал и Михаил Ульянов, который написал в книге короткое предисловие — оно начинается так: «Есть актеры, о которых трудно писать объективно и беспристрастно... О них хочется говорить какими-то непривычными словами, взволнованно и поэтически»).

И как же порой хочется написать такое объяснение в любви! И Инне Чуриковой (впрочем, оно уже написано), и Лии Ахеджаковой, и Роману Быкову, и Валентину Гафту, и Людмиле Гурченко, и Алисе Фрейндлих, и еще многим... Не обделены мы прекрасными актерами. И как же порой коришь себя за то, что в ежедневной суете, в срочных и сверхсрочных работах упускаешь такую возможность! А если уж думать о тех, кто будет жить после нас, то им наши эмоции, наш восторг, наша исповедь скажут об искусстве нашего времени неизмеримо больше, чем любые научные или околонаучные труды.

Так что Алла Гербер избрала, я бы сказал, единственно верный тон, стиль и жанр для книги о Чуриковой. У автора была возможность не только увидеть ее в театре или кино, но и встретиться, поговорить, спросить ее о чем-то для себя важном и получить ответ. В книге, кстати, довольно много таких разговоров автора и актрисы, и эти разговоры тоже помогают нам приблизиться к Чуриковой, хотя далеко не все они о творчестве, да и говорит актриса часто о своих сомнениях, неудачах, тревогах.

Чурикова — наша современница. И мир ее ролей — это наш мир. Но не всегда мы это понимаем. Когда актер раскрывает перед нами душу своего героя до донышка, до немыслимой глубины, как Чурикова, у зрителя порой появляется желание как-то отгородиться, отстраниться от этой глубины, потому что в ней иногда обнаруживаются не самые приятные для него чувствования. И он успокаивает себя мыслью, что это не про него, что он лучше и что вообще все прекрасно в этом мире и в нем самом. Это бывает, конечно, правдой, но не всегда — слишком много всякого в нас намешано.

Вот такие актеры, как Инна Чурикова, не дают нам утвердиться в этом блаженном сознании, что в мире и в нас все прекрасно. И книги о таких актерах, при условии, что это хорошие книги, — тоже. Михаил Ульянов в предисловии (кстати, очень верно, что именно он, Актер с большой буквы, представляет книгу читателю) пишет: «...в ее героинях есть что-то пророческое». Высшая похвала актеру, и Чурикова достойна ее.

В книге вспоминается разговор с актрисой об эстрадных шлягерах. Чурикова говорит о зрителях, которые порой еще встречаются: «Я к ним с мольбой о помощи, а они... просят песен. Я иногда самой себе противна, что не пою. Но нет у меня песен.

— Да есть же, есть! Ваша песня — песнь песней!»

Очень точно сказано.

Ю. СМЕЛКОВ.